

DOI: 10.22250/2072-8662.2019.2.36-46

Никитина Э.В., Станьял В.П.

Чувашская религия и её влияние на этнический менталитет

Э.В. Никитина

В.П. Станьял

Аннотация. В статье раскрываются основные положения учения чувашской этнорелигии сардаш (сартӑш), в основе которой лежат ключевые принципы зороастризма; освещаются некоторые моменты её истории и вопросы изучения; анализируется современное состояние традиционной веры и её значение в жизнедеятельности народа. Предпринята также попытка выявить роль религиозного фактора в этноидентификации и формировании этнического менталитета чувашей в историческом и социокультурном ракурсе. Проблема рассматривается в трёх аспектах: 1) взаимодействие традиционных религиозных верований чувашей с православным христианством; 2) влияние на менталитет чувашей ислама – религии родственных тюркских народов татар и башкир, 3) функционирование чувашской этнорелигии сардаш в современных условиях. Авторы приходят к выводу, что этнорелигия, которая сохраняется в повседневной жизни чувашей в виде «учения предков» (ваттисен калани), а также в молитвословиях, мифологии и фольклоре, лежит в основе многовековой этнической ментальности, выражая духовные ценности, поведенческие принципы и жизненные устремления народа. В этнорелигии содержатся психологические корни чувашского «ӗс-хапӑл» (ментальность), феномена «аптраманлӑх» (живучесть, негибкость) и «чӑвашлӑх» (чувашскость). Традиционная вера оказывает глубокое влияние на образ жизни и манеру поведения многих современных чувашей, обуславливает их мировоззрение и этническую идентичность. Приверженность чувашей «учению предков» объясняется необходимостью выживания в трудных геополитических и демографических условиях, желанием сохранить устоявшиеся веками образ жизни и социальное обустройство, стремлением к общинно-родовому и хозяйственному благополучию. В современных условиях обряды чувашской этнорелигии могут стать значительным фактором развития этнотуризма в Чувашии.

Ключевые слова: этнорелигия, этноменталитет, этноидентификация, чуваша, сардаш, зороастризм, православие, ислам, неоязычество

Erbina V. Nikitina, Vitaliy P. Stanyal

Chuvash Religion and Its Influence on the Ethnic Mentality

Abstract. The article describes the main thesis of the teaching of the Chuvash ethnic religion Sardash, which is based on the key principles of Zoroastrianism; highlights some of its history and research issues; analyzes the current state of the traditional faith and its importance in the life of the people. An attempt was also made to reveal the role of the religious factor in ethnic identification and the formation of the ethnic mentality of the Chuvash people from the historical and socio-cultural perspective. The problem is considered in three aspects: 1) the interaction of traditional religious belief of the Chuvashes with Orthodox Christianity; 2) the influence of Islam (the religion of the related Turkic peoples – Tatars and Bashkirs) on the mentality of the Chuvashes; 3) the functioning of the Chuvash ethnic religion Sardash in modern conditions. The authors conclude that ethnic religion, which is preserved in the daily life of the Chuvashes in the form of «teaching of ancestors», as well as in prayers, mythology and folklore, forms the basis of centuries-old ethnic mentality, expressing spiritual values, behavioral principles and life aspirations of people. Ethnic religion contains the psychological roots of the Chuvash mentality, the phenomenon of the Chuvash inflexibility and the Chuvash character. Traditional faith has a profound impact on the lifestyle and behavior of many modern Chuvashes, determines their worldview and ethnic identity. The adherence of the Chuvash people to the «teaching of ancestors» is explained by the need to survive in difficult geopolitical and demographic conditions, the desire to preserve the lifestyles and social arrangements that have been established for centuries, and the aspiration to communal and economic well-being. In modern conditions, the rites of the Chuvash ethnic religion can be a significant factor in the development of ethnic tourism in the Chuvash Republic.

Key words: ethnic religion, ethnic mentality, ethnic identification, Chuvash people, Sardash, Zoroastrianism, Orthodoxy, Islam, neo-paganism

Никитина Эрбина Витальевна – кандидат философских наук, доцент, главный редактор редакционно-издательского отдела Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации; 428025, г. Чебоксары, пр-т М. Горького, 24; erbina@rambler.ru

Erbina V. Nikitina – PhD (Philosophy), Associate Professor, Chief Editor of the Publishing Department of Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation; 24 Gorky Avenue, Cheboksary, Russia, 428025; erbina@rambler.ru

Станьял Виталий Петрович – кандидат филологических наук, доцент, почётный председатель Союза чувашских краеведов; 428000, г. Чебоксары, пр-т Ленина, 15; v.stanyal@yandex.ru

Vitaliy P. Stanyal – PhD (Philology), Associate Professor, Honorary Chairman of the Union of Chuvash Local Lore Researchers; 15 Lenin Avenue, Cheboksary, Russia, 428000; v.stanyal@yandex.ru

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., чуваши – пятый по численности народ в Российской Федерации (1 435 872 человека). Это один из тюркских народов (наряду с гагаузами, якутами, хакасами и алтайцами), преобладающей религией которого является не ислам, а православие. К православию склонна основная часть современных чувашей, есть немногочисленная группа чувашей-мусульман. Общая численность некрещёных и не принявших ислам чувашей (*чӑн чӑвашсем* – «истинные чуваш»), живущих по «заветам предков» (*ваттисем каланӑ пек*) и придерживающихся традиционной веры (*чӑваш тӗнӗ*), точно не подсчитана. Н.В. Никольский, опираясь на сведения 262 волостных правлений за 1911 г., пишет о 14734 язычниках [Никольский, 2007, 129], в настоящее время в Поволжье их проживает около 5 тысяч человек (0,4 % всех чувашей) [Чуваши, 2017, 95]. Никогда не вѣлся учёт «истинных чувашей» Сибири, Дальнего Востока и других регионов.

Традиционная вера присутствует в виде «учения предков» (*ваттисем калани*) в повседневной жизни многих современных чувашей, проживающих в Чувашской Республике и диаспоре Татарстана, Башкортостана, Ульяновской, Самарской, Пензенской, Тюменской, Кемеровской и других областей. В настоящее время культовая практика преимущественно сохраняется в деревнях. Функцию «духовной поддержки» народа продолжают выполнять ямахаты («приходы», объединения верующих) некрещёных чувашей в более чем 40 селениях разных регионов России. Наиболее известны сѣла Патраклы, Ухинккель, Тилечер, Зирекле, Чувашкасы, Сеньяксу, Ильмели. Они ежегодно проводят большие общечувашские моления *чӑк*.

Чувашская этнорелигия представляет собой оригинальную политеистическую натуроцентрическую религиозную систему с пантеоном добрых (*ырӑ*) и злых (*хӑяр*) божеств во главе с верховным богом *Мӑн Турӑ*, с многочисленными духами Верхнего, Светлого и Нижнего миров, с развитой культовой практикой. У верховных чувашей, среди амакарских *мучавуров* (служителей культа), сохранилось название религии *сардаш* (*сартӑш* / «жёлтый/светлый/красивый + человек/друг») [Никитин, 2002]. Сардаш, который уходит корнями в зороастризм и зиждется на признании единства и борьбы добрых и злых сил, является одной из форм духовно-культурной деятельности народа.

Несмотря на то, что в сардаше множество божеств и духов, олицетворяющих силы природы, эта религия не может считаться чистым язычеством (политеизмом). Во-первых, в сардаше нет языческого культа насилия и признаётся равенство всех людей и народов; во-вторых, нет эротических божеств и сексуальных культов; в-третьих, есть представление о личной вине и личной совести. В чувашской этнорелигии явно просматривается супремонотеизм (форма многобожия, при которой один бог является главным), поскольку имеется Верховный, Всевышний Бог – *Сӳлти/Мӑн Торӑ*, проповедуется противоречащее язычеству равенство всего сущего перед богом и солнцем, действует закон строгого воздаяния за несправедливость (*типшар*), актуализируется культ предков и беспрекословное почитание стариков, женщин, детей.

Любую религию следует рассматривать как религиозный комплекс, включающий в себя исторически сложившиеся или возникающие представления о боге, о человеке, об их отношениях, включая ритуал и культ, о религиозном и нерелигиозном сознании (мировоззрении) и их диалоге, о религиозной и нерелигиозной деятельности индивида и группы [Шмидт, 2018, 83]. За многовековую историю

этническая религия чувашей испытала существенные эволюционные изменения. В ней причудливо переплетаются общечеловеческие ценности, этнические патриархальные компоненты и родоплеменные формы, присутствуют следы разных эпох и разных древних религий.

Бинарная оппозиция, сохранившаяся от мифологической логики, является в чувашской религии стержневой. Мир в ней представляется в гармонии противоположностей: земля – небо, тепло – холод, жизнь – смерть, любовь – ненависть, добро – зло, вера – суеверие, *киремет* – *эсремет*, *Кебе* – *Эсрель*, *эптер* – шаман [Никитин, 1999, 248]. Обряды магии и камлания в эсремети (место колдования), которые описаны исследователями XVIII–XIX вв. (И.Г. Георги, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, В.А. Сбоев, А.А. Фукс и др.), бесспорно, являются остатками шаманизма. Очевидно, *юмзи* (ворожеи), знахари и колдуны находились в одном стане с *мучавурами*, *эптерами* и *ламшарами* (служителями культа), но со временем религия и магия разошлись.

В содержании менталитета чувашского народа религиозно-философское учение сардаш остаётся основным компонентом. В нём заключена мировоззренческая позиция и основы традиционной культуры народа. Изучавшие чувашскую этнорелигию специалисты (А.А. Трофимов, А.К. Салмин, В.П. Никитин, Г.Б. Матвеев, И.А. Дмитриев, Г.А. Енисеев, Е.Е. Ерагин и др.) считают её самостоятельной религиозной системой, в которой содержатся пласты древнейшей шумеро-аккадской, хурритской, иудаистско-хазарской, арабо-исламской и византийско-христианской культуры. Например, ряд терминов в чувашской религии оставил иудаизм (Торă – Тора, Юхха – Яхве, *шăмат* – шабат и все названия дней недели). Предполагаемое наличие в пантеоне сувар (предков чувашей) древнетюркского бога Тангрихана, о чём в «Истории страны Алуанк» писал М. Каганкатвацци [Чувашская мифология, 2018, 46], в чувашской религии не отмечается, поэтому можно предположить, что предки чувашей в тюркский мир вошли уже со своей оформленной религией. Заметное влияние на состояние чувашской этнорелигии оказали традиции Средней и Центральной Азии, Тибета и Кавказа.

Многими положениями сардаш созвучен конфуцианству: это гуманность и идея долга, уважение человека за труд, знания и добродетель, почитание старших, культ предков и соблюдение их заветов, ориентация на моральное совершенствование человека. Как у китайцев, у чувашей обряды совершают предводители племён, главы семей, выборные знатоки ритуалов. Алтайский период существования предков чувашей оставил память о якутском шаманстве и японском синтоизме. Как у японцев, у чувашей до сих пор в домах обустроиваются специальные алтари (*вăй-килли*) для почитания богов и добрых духов и один из алтарей считается главным для всего рода или сельской улицы – посещать его могут все члены общины.

В каждой чувашской деревне есть своё место общего моления (*чўк вырăнĕ*) – святилище с *тўркилли* (клеть для моления), родником и деревом (сухостойные священные дубы и вязы сохранились в Чувашии до XXI в.). Из тысяч чувашских *киреметей* (мольбищ) Шинерпосинское святилище считается наиболее древним. Археологи относят его к XII в., поскольку на его территории найдены предметы булгаро-чувашской традиции.

На главных киреметях стояли *керемы* (храмы). В 1768 г. П.С. Паллас записал в своём дневнике «Путешествие по разным провинциям Российской империи»: «У чуваш Алатырского уезда бывает в середине керемета деревянная хижина с дверью на восток, в которой едят жертву стоя; и для того поставлены там длинные и скатертями накрытые столы. В середине оной хижины воткнут в землю длинный сквозь кровлю проходящий шест, на котором сверху утверждено снизу плоское, а кверху острое железное кольцо» [История родного края, 1993, 174]. Там же хранились жертвенные предметы, посуда, ставни для свеч (*чаталы*), фигуры богов и предков, амулеты, приношения в виде лент и *сурбанов* (полотенец).

В керемах – при журчащем потоке родниковой воды и пылающем пламени костра – совершались священнодействия, осуществлялись браки и разводы, имянаречения и прощания с усопшими, наказания и помилования. Керем был центром ямахата. При больших молениях *чўкклеме*, которые проводились через 9 или 12 лет, каждый член общины должен был пожертвовать одну монету любой стоимости

(*мамале укџи*). По количеству собранных денег выявлялась численность населения и его состояние: крепкие хозяева и административная прослойка (тарханы, мурзы, десятники, сотники, тысяцкие) вносили деньги большей стоимости, а немощные и сирые отчитывались *нухратками*, в крайнем случае палочками.

Вероучение сардаш основывается на учении старейшин, сохранившемся в устных засекреченных (произносились речитативом) молитвах и сценариях традиционных календарных обрядов. Праздников и молений в зимнем и летнем циклах достаточно много, они носят общенародный характер и никогда – ни в голодные, ни в военные годы – не прекращались. Поста в чувашской религии нет, но есть строгий регламент, какими яствами чествовать того или иного бога или духа, какими столами пользоваться в тот или иной праздник. Из напитков главенствует *сӑра* (домашнее пиво). На больших молениях *чӱкӱлеме* в честь богов высшего и первого рангов специальные ковши поднимают – наряду с главным эптером – восемь мучавуров, и в их числе обязательно вторым человеком по очереди благодарственную или просительную молитву произносит женщина. В чувашской вере *Ама* (женское, земное начало) и *Аса* (мужское, небесное начало) гармонично соединены и равноправны.

В настоящее время в религиозной практике сардаш целостного единства нет. Киремети и керемы с предметами культа до единого уничтожены, ямахаты разогнаны, общенародные моления чӱк много веков проводятся тайно от местных администраций. Религиозная организация чувашской веры в начале 2000-х гг. не была зарегистрирована (при бытовой форме существования она, впрочем, и не нуждается в юридической фиксации).

Религиозной фанатичности у чувашей не было и нет, но в традиционных чувашских семьях к «заветам предков» до сих пор относятся строго. Бог предстаёт в образе прародителя, родоначальника, старого доброго дедушки (*Торӑ мучи*), а злых духов умеют умиловить самыми разными подношениями, молитвами, калмаками (речитативами, обращёнными к злым духам земли, воды огня, ветра), закличками. Таким образом, этнорелигиозное сознание чувашей существует в виде древних заветов, которые формируют и поддерживают в массах нормы благочестия, эталоны нравственности и житейские предписания.

В отличие от других вероучений, сардаш признаёт человека не рабом бога Торӑ, а работником природы, и на земле каждый «сам себе царь» (*Кашни чӑваши хӑй патша*). Считается, что в человеке содержится частица вселенной – свет солнца и луны, дух торы и шайтана. В противовес распространённой догме отвечать на брошенный камень куском хлеба, сардаш учит реагировать на несправедливость и обиду адекватно, чтобы никому не было повадно первым поднимать на другого руку. При любых обстоятельствах виноват тот, кто ударил первым. В то же время утверждается, что склонённую голову меч не рубит.

Предметы и средства культа чувашской религии (солнце, небо, гора, родник, лес, дерево, киреметь, выйкилли, свечи, посуда, одеяние) для истинного чуваша остаются священными. Элементы, некогда бывшие атрибутами мифологического понимания вселенной (восьмиконечная звезда *кӗскӗ*, образ мирового древа, гимн «Алран кайми»), в XX в. стали частью официальной символики Чувашской Республики и Чувашского национального конгресса.

Чувашская традиционная вера продолжает выполнять в обществе мировоззренческую, регулятивную и культурно-коммуникативную функции. Вся классика чувашской литературы пронизана мотивами учения сардаш (поэмы Михаила Фёдорова «Леший», Константина Иванова «Нарспи», Семёна Эльгера «Под гнётом», романы Мигулая Ильбека «Чёрный хлеб», Хведера Уяра «Тенета»), Кузьмы Турхана «Свягя впадает в Волгу», комедия Фёдора Павлова «На суде», драма Петра Осипова «Айдар», трагедия Якова Ухсяя «Тудимер» и др.) и демонстрирует своеобразие чувашского характера. Творчество видных художников и скульпторов Владимира Агеева, Праски Витти, Петра Пупина, Станислава Юхтара, Вячеслава Эткера пропитано идеями чувашской этнорелигии.

Служители народной веры (мучавуры, абызы, эптеры, эльмени, мамале, ламшары) Амаксарской киремети, одного из главных ямахатов, ещё в 1722 г. (после

встречи с Петром I) наложили табу на учение и упоминание пантеона чувашских богов [Никитин, 1999]. Этот запрет был снят лишь в конце 80-х гг. XX в. по просьбе авторов учебника «*Чăваш сăмахлăхĕ*» [Чувашская литература, 1993], что позволило приоткрыть многие тайны табуированной чувашской религии.

Работ, посвящённых исследованию духовной культуры чувашей, немало. Среди исследований, посвящённых этнорелигии, значимыми являются труды Д. Месароша [Месарош, 2000], Н.В. Никольского [Никольский, 2007], П.В. Денисова [Денисов, 1959], А.К. Салмина [Салмин, 2007], Е.А. Ягафовой [Ягафова, 2015]. На иностранных языках о чувашах писали в XVIII–XIX вв. путешественники и учёные Российской императорской академии наук. В настоящее время специальных исследований, посвящённых этнической религии чувашей, на английском языке нет. Есть научные обзоры, в которых затрагивается тема национально-религиозного возрождения в Чувашской Республике 1990-х гг. [Filatov, Shchipkov, 1995; Vovina, 2000; Shnirelman, 2002], из них полнотой анализа отличается статья О.П. Вовиной «Building the road to the temple: Religion and national revival in the Chuvash Republic».

Исследование проблемы чувашской традиционной веры, этнического характера и менталитета опирается на анализ исторических, этнографических, фольклорных источников. Материалы чувашского традиционного вероучения содержатся в мифах и легендах [Чувашская мифология, 2018], приметах и поверьях, магических заклинаниях и заговорах, малых формах фольклора [Чувашские пословицы, 2004], благопожеланиях старейшин и молитвословиях, а также в образцах древней лексики, зафиксированных в 17-томном «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина.

В результате исторических коллизий в судьбе народов Поволжья чувашская религия испытала несколько крупных изломов, связанных с исламизацией/отатариванием (начиная с X в. и особенно с XIII в.) и христианизацией/русификацией (начиная с XVI в.). Господствующие в Российской империи конфессии (православие и ислам суннитского толка) оказали мощное и неоднозначное влияние на традиционные религии нерусских народов Среднего Поволжья (татар, башкир, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы).

Исследователи утверждают, что ислам и христианство стали нивелирующим началом в духовном и социальном мире коренных народов, «они задавали другую систему культурных и религиозных координат, восприятие которых означало смену важнейших жизненных установок, бытовых условий жизни и часто этнической идентичности» [Исхаков, 2013, 6]. Этнические религии, которые опирались на единые мировоззренческие и витальные основы и соответствовали особенностям развития патриархального сельского общества, изживались монотеистическими представлениями, разрушающими натуроцентрическую модель бытия. Этот процесс глубоко отразился на культурно-психологических особенностях чувашского народа, оказавшегося в длительной тяжбе между исламом и православием.

После принятия в 922 г. правителем Волжской Булгарии Алмушем ислама болгарская аристократия склонилась к магометанству и перешла на арабскую письменность. Истовые приверженцы старой веры сувазы (чувашаи) под предводительством Вырыга перекочевали на правый берег Волги и обосновали города новый Биляр и Веда Сувар. Черемисы (мари), бесермяне и ары (удмурты) ушли в леса. Но ислам на протяжении многих веков активно воздействовал на поволжские народы. Последовательными приверженцами ислама стали татары и башкиры.

Исследуя проблему исламизации чувашей, ряд исследователей (А.К. Салмин, Е.А. Ягафова, Д. Арык) отмечают её заметную роль в трансформации этничности чувашей. Они считают, что татары, под чьим влиянием находится часть чувашей, понуждают их идентифицировать себя татарами. В письменных источниках мусульманизированных чувашей определяли как татар [Салмин, 2017]. В ряде селений Урало-Поволжья исламизация завершилась полной (религиозной, языковой и этнической) ассимиляцией чувашей и привела к появлению целой группы *янга мусулманлар* («новых мусульман») с татарским языком и татарским этническим самосознанием [Ягафова, 2015].

Результаты христианизации чувашей к началу XX в. исследователями также оценивались негативно. История православного просвещения подробно

и документально освещена Н.В. Никольским в трудах 1909 и 1912 гг. [Никольский, 2007]. Анализируя самый решающий и переломный период ново-булгарской (собственно чувашской) эпохи и разрушение структуры чувашского мироздания, он утверждал, что насильственно внедряемое православие служило лишь идеологическим оправданием колонизации Чувашского края со стороны Москвы. Л.А. Таймасов [Таймасов, 2004] также отмечает, что христианство не только способствовало сближению духовных культур нерусских народов и русских, но и вело к духовному «обрусению» первых. Через христианское просвещение формировался полиэтничный социум единоверцев – «православные россияне».

Христианизация и исламизация чувашей в XVIII–XIX вв. привели к существенному сокращению ареала чувашской религии. Однако ценности православно-византийской церкви не стали базисными в чувашском этноменталитете, о чём свидетельствуют многие факты, например небрежное отношение чувашских крестьян XIX в. к иконам православных святых и проведение христианских праздников с элементами традиционных народных обрядов на рубеже XX–XXI вв. Как писал П.В. Денисов, «несмотря на многовековые усилия, миссионерам всё же не удалось полностью искоренить языческие представления и обряды в быту крестьян, принявших православие» [Денисов, 1959, 349]. Вынужденные принять православие чувашаи диалектически соотнесли нравственность христианства с традиционным народным («языческим») учением. Часто они выполняли церковные обряды из боязни попасть в немилость властей, но сами продолжали придерживаться традиционных верований.

С усилением влияния Русской православной церкви после распада Советского Союза в XXI в. началась «неореформация» религиозности православных чувашей с тенденцией наступления на народные традиции в надежде очистить веру от языческих остатков. Но, несмотря на эти изменения, современные чувашаи, проживающие в деревнях, сохраняют общесельский и семейный обрядовый цикл земледельческого календаря, который находится в центре их традиционной формы жизнеустройства.

Много предположений вызывает вопрос, почему чувашаи, в отличие от родственных татар и башкир, предпочли исламу православие. Между тем, А. Каппелер пишет, что резкие границы отделяли чувашей и от татар, и от русских – «людей с другой верой и большей социальной дифференциацией» [Каппелер, 2016, 52]. Историко-этнографические источники свидетельствуют, что ни православие, ни ислам так и не стали стержневыми в духовности и ментальности чувашей (особенно чувашского крестьянства). В повседневной и ритуальной практике многие чувашаи по-прежнему верны своей древней религии.

В конце XX в., после перестройки, в России наступила некоторая свобода для исследований, связанных с изучением этнического сознания и менталитета народов России, их традиционных верований и обрядовой деятельности. Ситуация была характерна и для Чувашии. Дискуссии по поводу оценки этнорелигиозного наследия велись публично на встречах культовых служителей с общественностью и через средства массовой информации. Следует отметить, что в это переломное время в республике Русская православная церковь и государственная власть мобилизовали все имеющиеся ресурсы для решительных действий против институционализации чувашской религии. Тем не менее, показатели православной религиозности в Чувашии остались весьма низкими, а характер религиозного «возрождения» – поверхностным. Среди лиц, относящих себя к православным, многие не посещают храмы, не исполняют церковные таинства, не соблюдают постов и т. д. [Таймасов, 2017, 88].

В исследованиях постсоветского времени, посвящённых анализу религиозной ситуации в Поволжье и Приуралье, упоминаются проблемы возрождения тюркианства среди тюркских народов, создания Чувашской православной автокефалии, возникновения под видом чувашской этнорелигии неоязычества, объявленного группой «*Turâç*». А.А. Хохлов настаивает, что современное чувашское неоязычество, заявившее о себе в конце 1980-х – начале 1990-х гг., является порождением чувашского национализма. По его мнению, в чувашском национальном движении

«в латентном состоянии сохраняется языческий дух, который проявляет себя в жизни чувашского общества то народными молениями, то молодёжными паломничествами, то динамичными обсуждениями в социальных сетях, то изучением обрядов и обычаев предков в рамках курса “Культура родного края”. Очевидно, что его живучесть подпитывается национальным самосознанием части чувашского народа, болезненно рефлексирующей ностальгией о своей природе, истории, настоящем и будущем, а также, не исключено, вполне конкретными политическими амбициями» [Хохлов, 2016, 145].

Действительно, активисты Чувашского национального конгресса пытались включить реставрацию народных традиций и обрядов в свою программу, но они не были сторонниками новоявленных мучавуров, сделавших ставку на «модернизированный вариант язычества, базирующийся на европейских ценностях и смыслах, а также техногенных достижениях западной цивилизации» [Хохлов, 2016, 139]. Современное религиозно-духовное объединение «Турăс» является лишь искусственным ответвлением (сектой) от истинной традиционной религии чувашей, существующей веками в коллективной памяти и повседневной обрядовой практике народа.

Несмотря на то, что «неоязыческий проект» в Чувашской Республике остался нереализованным, Русская православная церковь и местная власть усиленно выступили против всех течений чувашской веры – этнорелигии, неоязычества и автокефалии. В настоящее время традиционная религия сохраняется преимущественно в сознании старшего поколения. Поскольку задачей сторонников этнорелигии является сохранение чувашской идентичности, традиционное вероучение, как и ранее, имеет влияние на ментальную сферу чувашского общества.

По словам Гегеля, вся масса религиозных основоположений и вытекающих отсюда чувств, в частности, степень силы, с которой они могут влиять на способ поведения, составляет главный пункт народной религии [Гегель, 2010]. Представления о боге и природе, смерти и бессмертии, нравственности и чести, заложенные в народной религии, формируют убеждения народа и оказывают влияние на его дела и мысли. Чувашская религия сардаш основывается на идеях философского учения предков «Книга судьбы» (*Шăпа кёнеки*), на заветах, касающихся принципов организации общины (*Торă саккунё*) и устремлений людей (*Торă сьрни*). В настоящее время в краеведческих архивах сохранилась лишь малая часть записанных обрывков этих книг.

Чувашская этнорелигия оформилась позднее первобытных верований (хотя и на их основе), поэтому она похожа и не похожа на политеистические религии. Многие исследователи пытались реконструировать пантеон чувашских богов и духов, например К.С. Милькович перечислил 33 божества. Свои списки и ранжир богов, божеств, добрых и злых духов предложили В.К. Магницкий, В.А. Сбоев, П.В. Мальков, Н.И. Золотницкий, Д.Ф. Филимонов, В.П. Вишневский, Н.В. Никольский, М.В. Шевле, Г.И. Комиссаров. При всём старании им не удалось уловить стройной системы чувашского пантеона. Ближе к истине подошёл Д.Ф. Филимонов. Авторы учебника «*Чăваш сăмахлăхё*» делят пантеон чувашских божеств и добрых духов на 4 группы (высшие силы; предстоящие перед ними отраслевые божества; действующие между богами и людьми служители; предстоящий перед божествами персонал) и распределяют всех добрых и злых персонажей на 12 разрядов [Чувашская литература, 1993, 41–42].

При большом количестве богов сардаш фактически является монотеистической системой. Об этом писали венгерский учёный Д. Месарош, священник А.В. Рекеев, тюрколог Н.И. Ашмарин. В сардаше главенствует *Султи/Мян Торă* (Всевышний бог), и предстоят перед ним по строгому ранжиру добрые силы (духи). В основе учения – признание сил добра и зла, света и тьмы, духа и тела и т.д. Жизнь дуалистична, но главными ценностями остаются преданность родине (*сёршыв / «земля+вода»*), равенство всего сущего перед *Торă* и солнцем (*Турăпа хёвел умёнге пурте тан / Перед богом и солнцем все равны*), житейская гармония и справедливость. Жизненные идеалы чуваша – верность заветам и ценностям ориентирам предков, уверенность в вечной жизни народа (*Чăваш пётсен тёнче пётет / Чуваши*

исчезнут, когда мир исчезнет). Истинное богатство – доброе, честное имя, оставляемое нами после себя. В центре внимания – духовный мир человека, его интеллект, чувства, воля.

Сардаш – природная религия и философия природы. Книги Торы гласят, что боги, люди, живность – равноправные творения природы. Человек и община гармонично могут развиваться лишь в согласии с природой и друг с другом. У каждого дела есть начало и конец. У каждого дерева есть вершина и корни. Листья не могут расти в земле, корни не должны торчать на ветру. Подобное противно природе. То же самое в обществе: прадед не может считаться низшим, а правнук – высшим в иерархии, определённой временем, пространством и жизнью.

Чувашская религия, подкреплённая древнейшими пластами мифологического мировоззрения, включающая в себя исходные представления о мироздании и человеческом духе, легко вписывается в учения других религий, включая православие. О стихийном православии чувашской религии в XIX в. упоминали некоторые специалисты по народам Поволжья. За четыре века православная идеология тесно переплелась с традиционными верованиями и мировосприятием чувашей, став частью повседневной и ритуально-обрядовой жизни большинства. Тем не менее, на протяжении XX в. в религиозной практике крещёных чувашей устойчиво сохранялись элементы традиционной религии, что придавало их верованиям и обрядности синкретический характер – православно-языческий, а в некоторых местах и языческо-православный, с доминированием языческих элементов [Ягафова, 2015]. Большинство принявших православие были и остаются «колеблющимися христианами», «двоеверцами».

В конфессиональном отношении чувашский мир весьма толерантен («Бог сотворил 77 языков и 77 вер и определил им быть равными»). Возможно, главное объяснение этого заключается в том, что «характерной особенностью мировоззрения чувашей является стремление не нарушать гармонию в природе» [Терентьева, 2012, 9]. Во взаимоотношениях с людьми действовал тот же принцип: *Џăкăр-тăвар хире-хирĕс* (Хлеб и соль взаимны).

Религия будет существовать до тех пор, пока человек не овладеет тайной происхождения мира и человека, тайной рождения и смерти. Религиозная идентичность, как подчёркивает Ч. Кауфманн, сложнее идеологической, потому что её изменение, как правило, требует официального принятия новой веры, а в этом человеку вполне может быть отказано [Kaufmann, 2001]. От религии, культуры и языка, которые трудно поменять, и происхождения, которое никто не может поменять, зависит этническая идентичность, самая сложная в системе идентичностей.

Знание, понимание и принятие особенностей религиозных верований разных народов остаётся лучшим средством снижения фактора риска религиозных и этнических разногласий, межконфессиональной неприязни. К сожалению, в век глобализации локальные религии и традиции, ошибочно получившие ярлык препятствий на пути интеграции коренных народов в мировое сообщество, не вызывают специального интереса. Традиционные верования малочисленных народов по-прежнему остаются terra incognita для сторонних исследователей, и именно поэтому до сих пор «чаяния чувашского народа понятны лишь чувашам» [Терентьева, 2012, 20].

Несмотря на неблагоприятные факторы, в XXI в. чувашская религия продолжает существовать наравне с другими религиозными традициями, демонстрируя свой потенциал. Стойкую приверженность к традиционной народной религии, родному языку и духовной культуре можно объяснить острым желанием людей остаться в приемлемой для существования среде и обстановке. Осознанное отношение современных чувашей к истории и культуре своего народа, интерес к традиционной вере и обрядам, фольклору и языку свидетельствуют о росте этнической идентификации [Евграфова, 2014].

В настоящее время чувашская этнорелигия с её многочисленными ритуалами и обрядами могла бы стать мощным фактором развития этнотуризма в Чувашии. В частности, об этом пишет Н.И. Михопаров, который считает, что культурно-

исторические факторы, в числе которых проведение традиционных национальных праздников, очень важны для регионального развития индустрии туризма [Mikhoragov, 2017]. В «краю ста тысяч слов, ста тысяч песен и сотен тысяч вышивок» (так фигурально называют Чувашию) огромный интерес представляет его титульная нация – чувашаи (болгаро-сувары), которой удалось сохранить и пронести через многие века самобытную культуру, древние традиции, своеобразную веру и родной язык.

Библиографический список

1. Гегель, Г.В.Ф. Народная религия и христианство / Г.В.Ф. Гегель // Работы разных лет: в 2 т. – М.: Мысль, 1972. – Т. 1. – С. 45–86.
2. Денисов, П.В. Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки) / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. – 408 с.
3. Евграфова, Т.Н. К вопросу об этнокультурной идентификации чувашского народа / Т.Н. Евграфова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 2 (196). – С. 59–65.
4. История родного края: Учебное пособие: Хрестоматия. Ч. 1 (X – начало XX вв.). – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1993. – 416 с.
5. Исхаков, Р.Р. Параллели в религиозно-мифологических картинах мира и обрядовости татар и чувашей: опыт историко-этнографической реконструкции / Р.Р. Исхаков. – Чебоксары: ЧГИГН, 2013. – 60 с.
6. Месарош, Д. Памятники старой чувашской веры / Д. Месарош; пер. с венг. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 360 с.
7. Никитин (Станьял), В.П. Чувашская народная религия сардаш / В.П. Никитин (Станьял) // Общество. Государство. Религия: Сборник статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С. 96–111.
8. Никитин, В.П. Табуированный пантеон чувашской религии / В.П. Никитин // Проблемы национального развития чувашского народа: Сборник статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – С. 248–259.
9. Никольский, Н.В. Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках: исторический очерк / Н.В. Никольский // Никольский Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. – С. 126–356.
10. Салмин, А.К. Система религии чувашей / А.К. Салмин. – СПб.: Наука, 2007. – 654 с.
11. Салмин, А.К. Исламизация тюрок Поволжья / А.К. Салмин // Исламоведение. – 2017. – Т. 8. – № 4. – С. 61–71.
12. Таймасов, Л.А. Некоторые особенности возрождения православия в Чувашии на рубеже XX–XXI вв. / Л.А. Таймасов // Феномен глобализации и проблемы социокультурного многообразия в современном мире: Сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции (Чебоксары, 2 марта 2017 г.) / Под общ. ред. Е.М. Михайловой и Н.А. Подкиной. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2017. – С. 82–89.
13. Таймасов, Л.А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. д-ра ист. наук: 07.00.07 [Электронный ресурс] / Л.А. Таймасов; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2004. – 502 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16039720> (дата обращения: 15.02.2019).
14. Терентьева, О.Н. Чувашский этнос: традиционные мировоззренческие основы и менталитет [Электронный ресурс] / О.Н. Терентьева // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: Сборник статей. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 16–24. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23083741> (дата обращения: 15.02.2019).
15. Трофимов, А.А. Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура / А.А. Трофимов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – 256 с.
16. Хохлов, А.А. Место чувашского неоязычества в современном чувашском национализме / А.А. Хохлов // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 1 (34). – С. 132–148.
17. Чуваши: Монография (Серия «Народы и культуры» РАН) / Отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чувашский государственный институт гуманитарных наук. – М.: Наука, 2017. – 654 с.
18. Чувашская литература (Чăваш сăмахлăхĕ): Учебник-хрестоматия для 10 класса чувашской средней школы (на чув. яз.) / Сост. Иванова Н.Г., Никитин В.П. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. – Ч. 1. – 312 с.

19. Чувашская мифология: этнографический справочник. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 591 с.
20. Чувашские пословицы, поговорки и загадки (на чув. яз.) / Сост. Н.Р. Романов. – 2-е изд. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 351 с.
21. Шмидт, В.В. Религия: к проблеме дефиниции / В.В. Шмидт // Религиоведение. – 2018. – № 4. – С. 80–91.
22. Ягафова, Е.А. Религиозные практики этноконфессиональных групп чувашей / Е.А. Ягафова // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 5. – С. 3–18.
23. Filatov, S. Religious Developments among the Volga Nations as a Model for the Russian Federation / S. Filatov, A. Shchipkov // Religion, State & Society. – 1995. – Vol. 23. – № 3. – S. 233–248.
24. Kappeler, A. Die Tschuwaschen. Ein Volk im Schatten der Geschichte / A. Kappeler. – Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag, 2016. – 276 s.
25. Kaufmann, Ch. Possible and Impossible Solutions to Ethnic Civil Wars / Ch. Kaufmann // Nationalism and Ethnic Conflict. Revised edition. Ed. by M.E. Brown Owen R. Coté, Jr. Sean M. Lynn-Jones and S.E. Miller. – Cambridge: The MIT Press, 2001. – S. 444–483.
26. Mikhoparov, N.I. Resource potential of the Chuvash Republic for the development of the tourism sphere / N.I. Mikhoparov // Contemporary Problems of Social Work. – 2017. – Vol. 3. – № 2 (10). – S. 138–145.
27. Shnirelman, V.A. “Christians! Go home”: A Revival of Neo-Paganism between the Baltic Sea and Transcaucasia (An Overview) / V.A. Shnirelman // Journal of Contemporary Religion. – 2002. – Vol. 17. – № 2. – S. 197–211.
28. Vovina, O.P. Building the road to the temple: Religion and national revival in the Chuvash Republic / O.P. Vovina // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2000. – Vol. 28. – № 4. – S. 695–706.

Текст поступил в редакцию 10.01.2019.

References

- Hegel G.V.F. *Raboty raznykh let* [Works of Different Years]. Vol. 1. Moscow, 1972, pp. 45–86 (in Russian).
- Denisov P.V. *Religioznye verovaniya chuvash (istoriko-jetnograficheskie ocherki)* [Religious beliefs Chuvash (historical and ethnographic essays)]. Cheboksary, 1959, 408 p. (in Russian).
- Evgrafova T.N. *Nauchno-tehnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Scientific and Technical Statements of St. Petersburg University. Humanities and Social Sciences]. St. Petersburg, 2014, no. 2 (196), pp. 59–65 (in Russian).
- Istoriya rodnogo kraya* [The History of the Native Land]. Part 1. Cheboksary, 1993, 416 p. (in Russian).
- Ishakov R.R. *Paralleli v religiozno-mifologicheskikh kartinah mira i obrjadovosti tatar i chuvashy: opyt istoriko-jetnograficheskoy rekonstrukcii* [Parallels in the Religious and Mythological Pictures of the World and the Ritualism of the Tatars and the Chuvashes: the Experience of Historical and Ethnographic Reconstruction]. Cheboksary, 2013, 60 p. (in Russian).
- Mesarosh D. *Pamjatniki staroy chuvashskoy very* [Monuments of the Old Chuvash Faith]. Cheboksary, 2000, 360 p. (in Russian).
- Nikitin (Stanyal) V.P. *Obshchestvo. Gosudarstvo. Religiya. Sbornik statey* [Society. State. Religion. Collection of Articles]. Cheboksary, 2002, pp. 96–111 (in Russian).
- Nikitin V.P. *Problemy nacionalnogo v razvitiі chuvashskogo naroda: Sbornik statey* [Problems of the National in the Development of the Chuvash People: Collection of Articles]. Cheboksary, 1999, pp. 248–259 (in Russian).
- Nikolskiy N.V. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Part. II. Cheboksary, 2007, pp. 126–356 (in Russian).
- Salmin A.K. *Sistema religii chuvashy* [Chuvash Religion System]. St. Petersburg, 2007, 654 p. (in Russian).
- Salmin A.K. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. Moscow, 2017, vol. 8, no 4, pp. 61–71 (in Russian).
- Taymasov L.A. *Fenomen globalizatsii i problemy sociokulturnogo mnogoobraziya v sovremennom mire: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Phenomenon of Globalization and the Problems of Socio-Cultural Diversity in the Modern World: A Collection of Materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, 2017, pp. 82–89 (in Russian).
- Taymasov L.A. *Hristianskoe prosveshchenie nerusskikh narodov i etnokonfessionalnye processy v Srednem Povolzhe v posledney chetverti XVIII – nachale XX veka. Dis. d-ra ist. nauk* [Christian Enlightenment of Non-Russian peoples and Ethno-Confessional Processes in the Middle Volga Region in the Last Quarter of the 18th – early 20th century. DSc. Thesis in History]. Cheboksary, 2004, 502 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16039720> (accessed February 15, 2019) (in Russian).

14. Terentieva O.N. *Mentalitet i etnokulturnoe razvitie volzhskih narodov: istoriya i sovremennost. Sbornik statey* [Mentality and Ethno-Cultural Development of the Volga Peoples: History and Modernity: Collected Articles]. Cheboksary, 2012, pp. 16–24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23083741> (accessed February 15, 2019) (in Russian).
15. Trofimov A.A. *Zoroastrizm: suvaro-bolgarskaja i chuvashskaja narodnaja kul'tura* [Zoroastrianism: Suvaro-Bulgarian and Chuvash Folk Culture]. Cheboksary, 2009, 256 p. (in Russian).
16. Hohlov A.A. *Problemy nacionalnoy strategii* [Problems of National Strategy]. Moscow, 2016, no 1 (34), pp. 132–148 (in Russian).
17. *Chuvashi: Monografiya* [Chuvash: Monograph]. Ed. by V.P. Ivanov, A.D. Korostelev, E.A. Yagafova. Moscow, 2017, 654 p. (in Russian).
18. *Chuvashskaya literatura: Uchebnik-hrestomatiya dlya 10 klassa chuvashskoy sredney shkoly* [Chuvash Literature. A Reading-Book, Textbook for the 10th Grade of the Chuvash Secondary school]. Comp. Ivanova N.G., Nikitin V.P. Part. 1. Cheboksary, 1993, 312 p. (in Chuvash).
19. *Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskiy spravochnik* [Chuvash mythology: ethnographic reference]. Cheboksary, 2018, 591 p. (in Russian).
20. *Chuvashskie posloviцы, pogovorki i zagadki* [Chuvash Proverbs, Sayings and Riddles]. Comp. N.P. Romanov. 2nd ed. Cheboksary, 2004, 351 p. (in Chuvash).
21. Schmidt V.V. *Religiovedenie* [Study of Religions]. Blagoveshchensk, 2018, no 4, pp. 80–91 (in Russian).
22. Jagafova E.A. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. Moscow, 2015, no 5, pp. 3–18 (in Russian).
23. Filatov S., Shchipkov A. *Religion, State & Society*, 1995, vol. 23, no 3, pp. 233–248 (in English).
24. Kappeler A. *Chuvashes. People in the Shadow of History* [Die Tschuwaschen. Ein Volk im Schatten der Geschichte]. Köln-Weimar-Wien, 2016, 276 p. (in German).
25. Kaufmann Ch. *Possible and Impossible Solutions to Ethnic Civil Wars. In Nationalism and Ethnic Conflict*. Revised edition. Ed. by M.E. Brown Owen R. Coté, Jr. Sean M. Lynn-Jones and S.E. Miller. Cambridge, The MIT Press, 2001, pp. 444–483 (in English).
26. Mikhoparov N.I. *Contemporary Problems of Social Work*, 2017, vol. 3, no 2 (10), pp. 138–145 (in English).
27. Shnirelman V.A. *Journal of Contemporary Religion*, 2002, vol. 17, no 2, pp. 197–211 (in English).
28. Vovina O.P. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 2000, vol. 28, no 4, pp. 695–706 (in English).